

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Мамаладзе Александр Александрович

аспирант

ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный

лингвистический университет»

г. Пятигорск, Ставропольский край

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПОТЕНЦИАЛЬНО- КОНФЛИКТОГЕННОЙ ЗОНЫ

Аннотация: проблематика статьи представляет определенный интерес в контексте соображений государственной безопасности и территориальной целостности страны, раскрывая предпосылки создания конфликтной зоны в рамках отдельно взятых территории, субъекта, региона. Для работы были использованы типологический и системный методы. Применялись элементы аналитического, ретроспективного и актуального моделирования и метод критического анализа при изучении источников, а также теоретические основы и современные достижения таких наук, как история, политология, социология, криминология.

Ключевые слова: потенциально-конфликтная зона, деструктивные потенции, дестабилизационная система, вооруженный конфликт.

Вооруженные конфликты конца XX – начала XXI вв. указывают на то, что крупные противоборствующие стороны лишь в крайних случаях вступают в непосредственный боевой контакт [6, с. 122–130]. Применяя опосредованное деструктивное воздействие на противника, стороны стремятся создать (или использовать имеющиеся) потенциально-конфликтные зоны на территории противника либо вблизи ее [1, с. 87–90].

По мнению автора, потенциально-конфликтная зона (далее – ПКЗ) – это территория, имеющая исторические предпосылки к возникновению деструктивных потенций, объединенных под влиянием ряда факторов особым ментальным

пространством в дестабилизационную систему, инициирование которой ведет к возникновению конфликта.

Для полного восприятия предложенного определения проанализируем его составляющие. Итак, территорией ПКЗ может являться отдельное государство, субъект государства, национальная или культурная автономия, территория компактного проживания этнической или конфессиональной группы [16, с. 84–89]. Территория ПКЗ должна обладать соответствующими географическими условиями: например, пограничное расположение дает возможность непосредственного воздействия деструктивных сил извне [20, с. 64–73]. Немаловажное значение имеет характер местности ПКЗ. Так, труднодоступная горная, горно-лесистая, резкопересеченная местность имеет предпосылки для организации деятельности незаконных вооруженных формирований – устройства лагерей для размещения личного состава и проведения боевой подготовки, оборудования складов с оружием, боеприпасами, материальными средствами и т.д. [23, с. 76–78].

Что касается исторических предпосылок для возникновения деструктивных потенциалов, то ими, как правило, являются нерешенные и нерешаемые этнотерриториальные, этно-социальные и этно-политические проблемы определенного региона, имеющие значительные сроки давности [27, с. 56–60]. Как показывает анализ событий, происходивших в т.н. «горячих точках» бывшего СССР, именно проблемы с этнической составляющей могут долгое время находиться в латентном состоянии, но активизироваться при этом в минимально короткие сроки [19, с. 39–65].

Деструктивные потенциалы ПКЗ могут быть внутреннего и внешнего происхождения [21, с. 81–95]. Внутренний, «местный» потенциал представляет собой различного рода преступные и националистические группировки, этно-социальные и этно-конфессиональные образования, антиправительственное оппозиционное движение, религиозные сообщества радикального характера и т.д. [7, с. 42–44]. Являясь, по сути, т.н. «пятой колонной», внутренние деструктивные потенциалы служат фундаментом для выстраивания конфликта

[3, с. 50–53]. Ввиду того, что «местный» деструктивный ресурс является ограниченным, помощь, как правило, приходит извне в лице финансовых представителей, специалистов в области пропаганды и военного дела, религиозных идеологов, а также личного состава диверсионно-террористических подразделений [11, с. 32–36]. Внешний деструктивизм, по мнению автора, является основной и необходимой составляющей для наращивания усилий по эскалации конфликта [15, с. 211–214].

Факторы, влияющие на объединение деструктивных потенциалов, можно также разделить на внутренние и внешние [22, с. 130–147]. К внутренним факторам относятся рост амбиций отдельных общественных лидеров или элитных социальных групп, заявляющих свои претензии на возможность управления и распределения материальных благ [4, с. 66–84]. С этой целью ими создаются условия для дестабилизации общественно-политической, социально-экономической и криминогенной обстановки на территории ПКЗ [10, с. 112–126]. Это может происходить параллельно с проявлением или как следствие таких внешних факторов, как обострение международной обстановки, угрожающее государственному устройству и территориальной целостности путем нарушения конституционного порядка, социальной и экономической стабильности одной из сторон зарождающегося конфликта [12, с. 4].

Единое ментальное пространство ПКЗ подразумевает наличие идентичных поведенческих норм, обычаев населения, общенациональной идеи, единой или доминирующей религиозно-идеологической платформы на определенной территории [14, с. 39–42].

Дестабилизационная система ПКЗ, в данном случае, это совокупность деструктивных потенциалов, имеющих общие противоправные (антигосударственные) цели и согласованно действующие в одном направлении [13, с. 176–179]. Сложившаяся под действием вышеуказанных факторов дестабилизационная система приводится в состояние готовности к активизации, находясь при этом в

латентном состоянии [25, с. 48–51]. Подобное состояние может сохраняться десятилетиями – пока живы представители, как минимум, одного поколения, несущие в себе конфликтный потенциал [9, с. 39–43].

Инициирование (активизация) дестабилизационной системы может производиться несколькими способами. Во-первых – стихийно, по инициативе отдельных лиц или небольших групп, стремящихся к быстрейшему разрешению проблемных вопросов агрессивными способами [17, с. 114–115]. Во-вторых – распорядительным порядком, по указанию лидеров местных деструктивных формирований, преследующих амбициозные цели, а так же заинтересованных внешних сил в лице разного рода советников или религиозных идеологов [18, с. 144–153]. Данное обстоятельство может указывать на то, что активизация определено ПКЗ входит в оперативно-стратегические планы одной из противоборствующих сторон [8, с. 29–36]. В таком случае территория ПКЗ может рассматриваться как плацдарм для создания условий и наращивания усилий в вооруженной борьбе между объединениями государств, отдельными государствами, квазигосударственными образованиями и т.д., а также служить объектом отвлечения внимания от истинных целей [24, с. 301–309].

Непосредственно возникновение конфликта может носить ситуативный или плановый характер, в зависимости от того, был ли он инициирован стихийно или в соответствии с определенным замыслом [26, с. 34–40]. Дальнейшее развитие ситуации в конфликтогенной зоне может развиваться в двух направлениях.

Первое направление:

- выход территории ПКЗ из правового поля государства (субъекта, региона и т.д.) и установление иных правовых норм и законов;
- создание и поддержание на территории ПКЗ анклава нестабильности для привлечения значительных усилий со стороны государства (субъекта, региона) по стабилизации обстановки;
- трансформирование нестабильности в военные действия локального характера;

– перерастание локальных военных действий в крупномасштабные международные (межрегиональные) вооруженные столкновения;

– отторжение территории ПКЗ в пользу противоборствующей стороны [5, с. 180–185].

Второе направление заключается в снижении активности всех или большинства деструкций на территории ПКЗ и ее переход в латентное состояние с перспективой использования имеющегося потенциала в будущем [2, с. 531–534].

Исходя из вышесказанного, мы видим, что ПКЗ является сложноструктурированным образованием, представляющим собой платформу для построения механизмов силового воздействия на различные процессы государства (субъекта, региона) одной из противоборствующих сторон.

Список литературы

1. Авксентьев В.А. Конфликтология: базовые концепты и региональные модели [Текст] / В.А. Авксентьев, А.В. Дмитриев. – М.: Альфа-М, 2009. – 164 с.

2. Алиев А.К. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе [Текст] / А.К. Алиев, З.С. Арухов, К.М. Ханбабаев. – М.: Наука, 2007. – 583 с.

3. Аствацатурова М.А. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе [Текст] / М.А. Аствацатурова, В.А. Тишков, Л.Л. Хоперская. – М.: Росинформагротех, 2010. – 264 с.

4. Безопасность южного макрорегиона как проблема комплексного научного исследования [Текст]: сб. науч. ст. / Л.В. Батиев [и др.]. // Этнические проблемы современности; под ред. Л.В. Батиева. – Ставрополь, 2008. – Вып. 13. – С. 66–84.

5. Васюков Д.А. Непризнанные государства [Текст]: Передел мира / Д.А. Васюков, С.П. Веселовский. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. – 416 с.

6. Вторжение в Россию [Текст] / А. Агафонов [и др.]. – М.: Экспринт, 2003. – 304 с.

7. Добаев И.П. Новый терроризм в мире и на Юге России [Текст]: сущность, эволюция, опыт противодействия / И.П. Добаев В.И. Немчина. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – 117 с.

8. Добаев И. Идеологические установки и практика исламистских организаций на Юге России в условиях социальных трансформаций [Текст] // Научная мысль Кавказа: период. науч. обществ.-полит. журн. – 2008. – 2 февраля.

9. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М.: Аспект-пресс, 1997. – 286 с.

10. Иванова С.Ю. Процесс модернизации и межэтнические конфликты на Юге России [Текст] / С.Ю. Иванова, Э.А. Аракелян // Социально-гуманитарные знания. – М., 2007. – №2. – С. 112–126.

11. Игнатенко А. Интертеррор в России. – М.: Европа, 2005. – 112 с.

12. Игнатенко А.А. От Филиппин до Косово [Текст]: Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор // Независимая газета: ежедн. обществ.-полит. газ. – 2000. – 12 августа.

13. Клычников Ю.Ю. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала [Текст]: исторические очерки / Ю.Ю. Клычников, С.И. Линец. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2008. – 210 с.

14. Кобахидзе Е.И. Поведенческие стратегии в межэтническом взаимодействии народов Северного Кавказа [Текст] / Е.И. Кобахидзе, Г.Г. Павловец. – Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 2009. – 157 с.

15. Конфликтологическая экспертиза угроз и рисков региональной безопасности [Текст]: Т. 5 / В.А. Авксентьев [и др.] // Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г.: сб. науч. тр. ЮНЦ РАН. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. – 256 с.

16. Котеленко Д.Г. Изменение этноконфессиональных границ на Юге России в постсоветский период [Текст] / Д.Г. Котеленко, И.А. Миронов, М.Ю. Филиппов // Труды Южного научного центра РАН. Социальные и гуманитарные науки. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. – Т. 5. – С. 84–99.

17. Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе [Текст]: Идеология и практика (на материалах Республики Дагестан) / Х.Т. Курбанов. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. – 156 с.

18. Макаров Д. Радикальный исламизм в российских регионах [Текст]: Общее и особенное (на примере Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Татарстана) / Д. Макаров // Ислам в советском и постсоветском пространстве: история и методологические аспекты: мат. Всерос. конф. «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования»: сб. ст., Казань, май 2008 г. / Сост. и ред. Р.М. Мухаметшин. – Казань, 2009. – С. 144–153.

19. Маркедонов С.М. Сепаратизм на Большом Кавказе в постсоветский период [Текст]: Предпосылки, итоги, перспективы / С.М. Маркедонов // Актуальные проблемы Европы. Сепаратизм в современной Европе. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2009. – №3. – С. 39–65.

20. Матишов Г.Г. Системный анализ социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России [Текст] / Г.Г. Матишов, Л.В. Батиев; под ред. Г.Г. Матишова // Проблемы консолидации народов Северного Кавказа: мат. науч.-практ. конф. – Пятигорск : РИА-КМВ, 2008. – С. 64–73.

21. Паин Э.А. О роли формальных и неформальных институтов в эскалации экстремизма и терроризма [Текст] / Э.А. Паин // Куда идет Россия? : сб. мат. междунар. конф., Москва, 18-19 января 2002 г / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: Изд-во МВШСЭН, 2002. – С.81 – 95.

22. Пащенко И.В. Террористическая активность как фактор дестабилизации ситуации на Северном Кавказе [Текст] / И.В. Пащенко // Проблемы консолидации народов Северного Кавказа: мат. науч.-практ. конф. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2008. – С. 130–147.

23. Суций С.Я. Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия). – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – 218 с.

24. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука, 2001. – 552 с.

25. Тодуа З. Экспансия исламистов на Кавказе и в Центральной Азии. – М.: Ин-Октаво, 2005. – 272 с.

26. Тришева А. Преступление террористического характера [Текст] // Законность: ежемес. правов. науч.-практ. журн. – 2008. – 5 августа.

27. Юсупова Г.И. Глобализация и этнополитическая безопасность Юга России [Текст] / Г.И. Юсупова. – М.: Собрание, 2009. – 320 с.